

18+

В. И. Жиглов

Кремлёвская невеста

Валерий Жиглов

Кремлёвская невеста. Новеллы

«Издательские решения»

Жиглов В. И.

Кремлёвская невеста. Новеллы / В. И. Жиглов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744738-0

В книгу вошли новеллы «Кремлевская невеста», «Белое солнце пустыни», «Три рыбьих позвонка», «Как я отдыхал на Кавказе», «Крокодил с лебедиными крыльями» и другие веселые и грустные жизненные истории, произошедшие с автором и его знакомыми людьми. В книге приводятся новые сведения о Розе Каганович — одной из непосредственных участниц отравления Иосифа Сталина.

ISBN 978-5-44-744738-0

© Жиглов В. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Süße Milch	7
Три рыбьих позвонка	10
Белое солнце пустыни	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кремлёвская невеста
Новеллы
В. И. Жиглов

© В. И. Жиглов, 2023

ISBN 978-5-4474-4738-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Хочу ознакомить читателей с некоторыми своими новеллами, основанными на реальных событиях, оставивших в моей памяти глубокие воспоминания.

Многие люди задаются вопросом: «Для чего нам дана эта жизнь?»

Ведь, при определенных условиях, мы можем ощутить себя духовными сущностями, лишенными материального тела.»

– Очевидно, для получения жизненного опыта, с целью дальнейшего совершенствования нашей души. И этот опыт может быть получен, как на личном примере, так и при сопереживании его с другими людьми.

Süße Milch

Посвящается всем эмигрантам

*Очам твоей души – молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей,
И все, что здесь в конце, и все, что здесь вначале, —
Очам души твоей...*

Игорь Северянин

После окончания института у меня появился небольшой промежуток свободного времени и я решил его использовать для отдыха на побережье высокогорного озера Иссык-Куль. Ранним утром мы вместе с другими туристами отправились на автобусе в длительную поездку по горным перевалам. И хотя расстояние по карте между городом Алма-Атой и высокогорным озером Иссык-Куль было всего чуть более 50 километров, но время в пути необходимое для преодоления на автобусе протяженного горного Тянь-Шаньского хребта составляло около 10 часов. После нескольких небольших остановок мы прибыли только к вечеру на расположенную на Южном побережье Иссык-Куля турбазу под названием «Тамга». Немного уставшие от длительной поездки мы, налегке поужинав, отправились спать.

Погода во время нашего отдыха выдалась прохладной. И хотя днём часто светило солнце и очень легко можно было обгореть под его палящими высокогорными ультрафиолетовыми лучами, но вода в озере была достаточно холодной. Очевидно, поэтому на второй день нашего отдыха я почувствовал легкое недомогание, а затем к вечеру у меня поднялась температура. Так как никаких жаропонижающих лекарственных средств у меня с собою не было, то я решил отправиться за ними в местный медпункт.

Когда я вошел в помещение медпункта, то увидел в нем очень молодую, жизнерадостную, красивую девушку около 18 лет. Белый халат плотно облегал ее стройное тело и из под покрывающей ее голову белой косынки выпадали пряди русых волос с золотистым оттенком. Но особенно поражали ее широко открытые голубые глаза, расположенные на веснушчатом лице, которые искрились каким-то детским невинным взглядом. Я припомнил, что и раньше видел ее, но не в белом халате, а в цветастом летнем платье и она очень сильно выделялась своим необычным внешним обликом среди остальных отдыхающих туристов.

Обменявшись с ней доброжелательным взглядом, я поведал о моем легком недуге и попросил ее дать мне какое-нибудь жаропонижающее лекарство. Приняв предложенные ей таблетки, я не спешил уходить. Понемногу мы разговорились и от нее я узнал, что она после окончания первого курса медицинского института была направлена на летние каникулы медицинской сестрой на эту турбазу.

Звали ее Марией, но немного позже она также мне сказала, что близкие родственники звали ее Süße Milch очевидно за ее пристрастие в детском возрасте к сладкому молочному напитку. Так я и стал ласково звать ее Süße Milch, что в переводе с немецкого языка означало Сладенькое Молочко. В наших краях проживало много этнических немецких семей, переселенных в Среднюю Азию еще в годы Великой Отечественной войны и почти все они отличались высоким трудолюбием, и большой аккуратностью в работе.

Мы с ней очень быстро подружились и вскоре наше взаимоотношение переросло в любовное увлечение. Мы часто гуляли с Марией по живописным окрестностям высокогорного озера, любуясь непередаваемой красотой бирюзовых переливов озерной водной глади, обрамленной каменным кольцом белоснежных высокогорных вершин, и подолгу беседовали на самые разнообразные темы.

Иногда я читал ей наизусть стихи своих любимых поэтов серебряного века: Мережковского, Льдова, Апухтина, Мирры Лохвицкой, Тэффи, князя Голенищева-Кутузова, Соловьева, Северянина, Надсона, Щепкиной-Куперник, Бальмонта, Бунина и многих других.

Она очень внимательно слушала строки из читаемых мною стихов:

А затем по окончании очередного стихотворения просила меня вновь прочесть ей еще одно. И я начинал читать ей снова:

И снова:

Укрывшись в непроходимых зарослях кустарника колючей облепихи под отвесно свисающим скалистым обрывом, мы забывшись с ней в страстных объятиях, предавались невинным юношеским любовным ласкам. Но однажды я засиделся до позднего вечера в ее маленькой служебной комнатке, которая также служила ее спальней и мы вместе с ней разместились на отдых на узкой раскладушке. Я догадывался и раньше, что у нее ни с кем до меня не было интимной близости, а теперь мои догадки полностью подтвердились.

Наша привязанность с каждым днем становилась все сильнее и мы с грустью ожидали окончание моего трехнедельного отдыха. Расставаться нам обоим очень не хотелось, но впереди меня ждала срочная армейская служба. Я взял в руки свою гитару, которую постоянно возил с собой и запел под ее аккомпанемент одну из своих песен, написанную мною еще в свои студенческие годы на стихи современного поэта Анатолия Мерзликина:

Мария сидела напротив меня, слушая мою грустную песню и крупные слезы текли из ее больших голубых глаз. Я молча обнял ее ласковое стройное тело и поцеловав во влажные от слез покрасневшиеся горячие по-детски веснушчатые щеки, ощутил на своих губах солоноватый привкус Сладенького Молочка...

Ночь пролетела для нас очень быстро, как одно мгновение. А назавтра рано утром меня умчал автобус по пыльной ухабистой дороге и больше никогда мы с нею так и не повстречались. В те годы немецкие семьи массовым потоком возвращались в Германию на свою историческую Родину.

Но мне по-прежнему хочется верить, что и она, так же как и я хотя бы иногда вспоминает меня в своих сокровенных тайных мыслях ласковым, нежным словом, воплотившим в себе весь сгусток наших радостных, светлых переживаний, которые в те незабываемые для нас дни мы бескорыстно и с восторгом дарили друг другу.

*«Лунный столб померк в воде,
Голубеет гладь залива,
Ночь уходит молчаливо.
Где ты, где...»*

*«Струны лунные,
Среброструнные,
Поэтичные,
Грустью нежные.
Словно сказка Вы,
Льётесь ласково,
Мелодичные,
Безмятежные...»*

*«Целуйте искренней уста —
Для вас раскрытые бутоны,*

*Чтоб их не иссушали стоны,
Чтоб не поблекла красота!
С мечтой о благодати Мадонны
Целуйте искренней уста!...»*

*«Дождь утих и по трубам стекает вода
Темнота наплывает сгущаясь.
Я наверно привык покидать города
Потому, что не плачу прощаясь.
Я всегда в них заездом, на несколько дней.
Площадь крылья свои расплстала.
Ты из тех и ты первая в жизни моей,
Что идут провожать до вокзала.
Ты вздыхаешь: «Пиши», я вздыхаю: «Ага»,
Сигаретная падает искра.
Вот и пятый вагон, шаг еще пол шага,
Ты прижалась и шепчешь мне быстро.
Застучали колеса, я что-то кричу
И уже со ступенек вагона,
И ладонь по твоим, по щекам и плечу,
Словно лист, облетающий с клена.
Дождь утих и по трубам стекает вода,
Темнота наплывает сгущаясь.
Я наверно привык покидать города
Потому, что не плачу прощаясь».*

Три рыбьих позвонка

*«Прощай комбат, зарядка, туалет
И не пойдем мы больше строем на обед.
И мой дружище – замполит, бывай здоров,
И на гражданке вспоминай своих орлов
Мы будем галстуки и бабочки носить,
Без увольнительной по городу ходить.
И нам не надо будет чистить ордена,
И нам не даст наряд товарищ старшина!»*

Промозглым ноябрьским днем нас призывников на воинскую службу собрали на одном из перевалочных пунктов алма-атинского военкомата. И хотя отправка на поезде до места назначения воинской службы должна была произойти только назавтра, но нас за целые сутки поместили в призывной «отстойник».

Как нам объяснил старший по званию офицер, делалось это для того, чтобы после обильного застолья, якобы связанного с солдатскими проводами, призывники смогли отдохнуть и протрезветь. Поэтому еды и питья в течение всего этого времени, призывникам давать не полагалось. Все это время мы должны были находиться под военизированной охраной в тесном закрытом помещении, в котором располагались двухъярусные деревянные нары и имелся один общий сортир.

Помещение это было с низким потолком, и сигаретный дым плотной пеленой кружился над нашими головами. И всем некурящим, а я тоже оказался в их числе, было очень трудно дышать этим густым сигаретным смогом. В основном, весь наш воинский призыв, состоял из выпускников высших учебных заведений и все мы должны были пройти срочную воинскую службу, завершаемую офицерскими сборами.

Через сутки нас голодных и одурманенных от едкого сигаретного дыма посадили на поезд и повезли на Восток. Дорога была дальней – более трех суток, но все это время нас так и не удосужились накормить. На четвертые сутки мы приехали на станцию Дивизионную, что располагалась рядом с городом Улан-Удэ – столицей Бурятской автономной Республики. Здесь мне и предстояло отслужить в медсанбате годичную воинскую службу.

Казармы медсанбата располагались в бывших дивизионных конюшнях и вмещали в себя около полусотни солдат медико-санитарного батальона. Основным нашим рационом питания была перловая каша подаваемая три раза в день с небольшим исключением того, что в обед к ней на первое подавался картофельный суп с макаронами, а на третье давали чай с кусочком сахара или жидкий крахмальный кисель.

Иногда в эту перловую кашу именуемую среди солдат «кирзухой», нам добавляли небольшие кусочки мяса или рыбы. Но эти порции были столь крохотными, что однажды это надоумило меня пересчитать все рыбьи позвонки входящие в мою солдатскую «пайку». В ломтике рыбы, который был толщиной менее одного сантиметра, их оказалось ровно три штуки. И тогда я подумал, что когда-нибудь напишу о своей солдатской службе рассказ, который так и озаглавлю: «Три рыбьих позвонка».

Однажды, среди ночного солдатского караула произошел очень курьезный случай. Не надо повторно напоминать о том, что солдаты постоянно ощущали чувство голода и при любой выпавшей им возможности старались хоть чем-то насытить свой пустой желудок. Именно ведомые чувством голода, два солдата из ночного караула тайком пробрались в темное помещение солдатской кухни и нащупали в нем большой железный бочонок с остывающим киселем.

Как они потом нам поведали, в тот момент они испытали такое же восторженное чувство блаженства, как если бы в этом бочонке располагался бесценный клад! Не долго думая солдаты вооружились лежащими рядом железными кружками и зачерпнув в них еще теплый кисель стали с жадностью не отрываясь его пить. Но вдруг один из них, отстранив кружку от своего рта, спросил у другого, что в этом киселе на зубах так похрустывает, неужели изюм?

И когда они все же осмелились зажечь свет, для того чтобы разгадать возникшую загадку, то к своему немалому удивлению увидели очень неприглядную картину. Прямо по теплой стенке железного бочка с остывающим киселем, поднималась сплошным потоком и нескончаемой вереницей, густая масса копошащихся коричневых тараканов! Попадая на поверхность подсохшей тонкой пленки киселя они тут же принимались за пиршество, а подоспевшие тараканы собратья переползая через их спины пытались отыскать еще оставшееся свободное пространство. Но из-за своей очень высокой численности это им удавалось сделать с большим трудом.

Неожиданно вторгшиеся в их безраздельное пиршество солдаты, перемешали железными кружками всю эту копошащуюся живую массу, с содержимым железного бочка и получился хрустящий на зубах очень своеобразный тараканий коктейль, отдаленно напоминающий в темноте по своей консистенции лопающийся на зубах разваренный изюм! Но его очень специфический вкус они очевидно сразу так и не разобрали.

Позже находясь на офицерских сборах я также увидел в буфете офицерской столовой копошащихся тараканов на выставленном на витрине свежем пирожном. Когда я по этому поводу сделал замечание буфетчице, то она мне ответила, что и сама этих мерзких тараканов очень брезгует и не хочет даже к ним прикасаться, и все оставила как есть!

Несмотря на то, что зима в Забайкалье наступила очень быстро и стояли на дворе трескучие морозы, но нас по-прежнему в одних солдатских гимнастерках водили строем по холоду на завтрак, обед и ужин. Как нам объяснил командир батальона, все это делалось для профилактики солдатских вшей. Вскоре все окна покрылись толстым слоем мутного льда и даже вода на полу помещения солдатской казармы стала замерзать.

Зима в этих краях с 1973 по 1974 годы выдалась особенно суровой и столбик термометра опускался ниже – 56 градуса Цельсия. В это время командование округа решило провести 5-суточные воинские учения для того, чтобы посмотреть, как в суровых условиях Забайкальской зимы будет чувствовать себя доблестная Советская Армия. На второй день с начала учений к нам в медсанбат привезли около десятка обмороженных солдат и воинские учения в спешном порядке закрыли.

Но вот вдруг как-то сразу на улице потеплело, поднялся небольшой ветерок и с неба посыпался снег. Я подошел к уличному термометру и увидел на нем минус 43 градуса! То есть температура на улице за короткий период времени, менее чем за сутки, резко повысилась на целых 13 градусов! И именно поэтому, несмотря на такую столь низкую температуру, чувствовалось значительное потепление! Позже, после увольнения из армии, мне как офицеру запаса еще не раз пришлось выезжать на воинские учения, но уже никогда больше мне не приходилось испытать на себе столь холодной и голодной зимы.

Казалось, что весна никогда уже больше не наступит, но в апреле месяце морозы ослабели, а в мае забайкальские сопки покрылись очень красивыми кустами цветущего багульника. Именно в это время по радио зазвучала песня о Забайкалье:

И хотя служба в армии тянулась бесконечно долго, но поздней осенью, после завершения прохождения офицерских сборов, я демобилизовался на гражданку и отправился к себе домой. Находясь в купе плацкартного вагона вместе с другими демобилизованными военнослужащими, я пел под гитару бардовскую песню о своей любимой подруге:

«Где-то на сопках багульник цветет,

*Сосны сливаются с небом.
Кажется, будто давно меня ждет
Край, где ни разу я не был!»*

*«Опять стою в вагоне у окна
Вокруг меня чужая сторона,
И вспоминаю я твои глаза,
Твои глаза, любимая моя.
Ну, где же ты моя любовь,
Для кого твои глазки горят,
Для кого твое сердце стучит,
Душу радует взгляд?
Ни кто тебя, ни любит так, как я,
Ни кто, ни приголубит так, как я,
Ни кто не поцелует так, как я,
Любимая, хорошая моя.
Где же ты моя любовь,
Для кого твои глазки горят,
Для кого твое сердце стучит,
Душу радует взгляд?»*

Белое солнце пустыни

Когда после прохождения срочной службы в рядах Советской Армии, я поступил на работу в один из научно-исследовательских институтов, то в нем было много бывших участников Великой Отечественной войны. Среди них был и бывший военный офицер разведчик Андрей Рублев.

Иногда в приватной беседе он вспоминал о своих былых приключениях о том, как несколько раз вместе со своими боевыми друзьями засылался во вражеский тыл, для сбора важной секретной информации о грозном противнике. При этом немногие из посланных советских разведчиков возвращались назад из этих опасных для жизни диверсионно-разведывательных заданий.

Однако, даже тех немногочисленных возвратившихся из вражеского тыла советских разведчиков, которые с риском для своей жизни доставляли исключительно ценную разведывательную информацию, так необходимую для успешного проведения наступательной боевой операции Советской Армии, подвергали унижительным допросам, а порою и пыткам для того, чтобы выявить среди них перевербованных фашистами контрразведчиков.

А когда перед самым окончанием Великой Отечественной войны Андрей Рублев в очередной раз вернулся из фашистского тыла, то был по ложному обвинению репрессирован и отправлен на длительный срок отбывать наказание в отдаленных сибирских поселениях сталинских лагерей. Там он трудился на лесоповале, а затем на строительстве какого-то важного стратегического военного объекта.

Во второй половине пятидесятых годов отбыв в заключении длительный срок, он был по решению суда реабилитирован и досрочно выпущен на свободу. Вернувшись к себе на Родину, он устроился на работу и одновременно поступил на вечернее отделение института, а после его успешного окончания был принят на работу в одну из Средне-Азиатских научно-исследовательских лабораторий.

Научно-исследовательская работа Андрею Рублеву очень нравилась и вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. И хорошо знакомые с ним люди полагали, что все в его жизни после выпавших на его долю годин тяжелых испытаний, складывается как нельзя лучше.

У Андрея Рублева была симпатичная жена, которую он очень любил. В это время в наших краях снимался ставший в последствии знаменитым художественный фильм под названием: «Белое солнце пустыни». Как стало позже известно, один из ведущих создателей этого фильма познакомившись на каком-то общественном мероприятии с женой Андрея Рублева, влюбился в нее и увез жить с собой.

Казалось, что этот бывший военный офицер разведчик, закаленный в тяжелых невзгодах, сможет в короткие сроки совладеть со своим новым жизненным испытанием. Однако эта семейная трагедия полностью выбила его из жизненной колеи, так как предательство самых близких людей переживается особенно сильно.

Он все чаще стал заглушать свою беду в алкогольных возлияниях и очень быстро сник, перестал следить за своим внешним видом и стал похож на бродячего бездомного бомжа. В один из рабочих дней удалившись на обеденный перерыв он долго не возвращался назад и обеспокоенные коллеги по работе, стали его искать. Когда они вошли в подсобное помещение, то увидели Андрея Рублева безжизненно висящим в веревочной петле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.